

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ЭМИГРАНТИКА

УДК 94(4)

Хенрик Баран

Р. О. ЯКОБСОН И ЖАНР НЕКРОЛОГА

В литературе о Р. О. Якобсоне многочисленные некрологи, вышедшие из-под его пера, до сих пор отдельно не рассматривались. Между тем, несмотря на свои ранние формалистские и футуристические установки, он стал писать некрологи сразу после переезда в Чехословакию (1920) и в дальнейшем неоднократно выступал с подобными текстами. В некоторых некрологах, опубликованных в Чехословакии, прослеживается установка Якобсона на конструирование собственной научной «родословной», а также стремление выявить и сформулировать некий глубинный двигатель («порыв») жизни и пути в науке его героев (см. тексты, посвященные И. Бодуэну де Куртенэ, В. Маяковскому, Н. Трубецкому). После переезда в США, в середине 1950-х годов возобновив контакты с коллегами в СССР, Якобсон откликается на кончину Б. Томашевского, Б. Эйхенбаума, П. Богатырева, а также, чуть ли не в конце своей жизни, — на убийство поэта-переводчика К. Богатырева. Наиболее важные некрологи Якобсон перепечатал в «Selected Writings», где они то были включены в его нарратив о развитии современной лингвистики, то вошли в небольшой раздел, посвященный истории русской формальной школы. Библиогр. 42 назв.

Ключевые слова: Р. О. Якобсон, некролог, научная «родословная», «порыв», И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. В. Маяковский, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, П. Г. Богатырев, К. П. Богатырев.

Henryk Baran

ROMAN JAKOBSON AND THE OBITUARY GENRE

In the scholarly literature on Roman Jakobson, the many obituaries he created have not been discussed. Yet, his earlier Formalist and Futurist positions notwithstanding, he began to write obituaries immediately after arriving in Czechoslovakia (1920) and continued to publish such texts subsequently. Some of Jakobson's obituaries published in Czechoslovakia reflect his emphasis on constructing his own scientific "genealogy", as well as attempt to uncover and define an underlying invariant ("impulse") of his subject's life and path in science (see texts on the death of J. Baudouin de Courtenay, V. Mayakovsky, N. Trubetzkoy). Following his move to the United States, and after renewing in the mid-1950s direct contacts with scholars in the USSR, Jakobson responds in print to the death of B. Tomashevskii, B. Eikhenbaum, P. Bogatyrev, as well as, not long before his own death, to the murder of poet-translator Konstantin Bogatyrev. Jakobson reprinted the most important of these obituaries in his Selected Writings, where some became part of his narrative on the growth of modern linguistics, while others were included in a small section devoted to the history of Russian Formalism. Refs 42.

Keywords: Roman Jakobson, obituary, scientific "genealogy", "impulse", Baudouin de Courtenay, Vladimir Mayakovsky, Boris Tomashevskii, Boris Eikhenbaum, Petr Bogatyrev, Konstantin Bogatyrev.

Баран Хенрик — PhD по славянским языкам и литературам, заслуженный профессор русистики в отставке, Университет штата Нью-Йорк, г. Олбани; hbaran@albany.edu

Baran Henryk — PhD in Slavic languages and literatures, Vincent O'Leary Professor of Russian Studies Emeritus, University at Albany, SUNY; hbaran@albany.edu.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Хорошо известно стремление позднего («американского») Якобсона вернуть в поле внимания современной научной аудитории наследие мыслителей, которых он считал своими предшественниками в сфере лингвистики, поэтики и семиотики. Так, в одной из самых знаменитых статей «Лингвистика и поэтика» он цитирует студенческую работу поэта и теоретика искусства Г.М. Хопкинса, чтобы подкрепить собственную смелую формулировку о роли параллелизма в поэзии как таковой [Jakobson 1960]. В той же статье, а еще больше в ряде других трудов Якобсон ссылается на идеи Ч. С. Пирса: заимствуя некоторые термины из сложного понятийного аппарата, разработанного американским философом, Якобсон придает современной семиотике, в первую очередь связанной с сосюрровским «Курсом», дополнительный, американский источник. Во 2-м же томе «Selected Writings», под общей шапкой «К номотетической науке о языке», ученый поместил статьи-портреты как об известных (А. Мейе, Т. Г. Масарике), так и о малоизвестных «искателях» (Н. Крушевский, польский генерал-языковед Я. Мрозинский), тем самым подчеркивая свои связи с мощным интеллектуальным и научным направлением, не ограниченным ни пространством, ни временем [Jakobson 1971, p. 367–602].

Желание Якобсона выстроить свою научную «родословную» неоднократно отмечалось в литературе [Stankiewicz 1977], получая, впрочем, неоднозначную оценку [Koerner 1999]. Однако почти никакого внимания не уделялось его опытам в другом жанре: некрологам об учителях, коллегах и друзьях из разных стран, особенно из России и Восточной Европы. Между тем из-под пера Якобсона вышло более пятидесяти подобных текстов, объемом от абзаца до полноценного эссе; в некоторых из них, на раннем этапе своего пути в науке, он впервые обосновывает свои позиции отсылкой к научной деятельности предшественников.

К жанру некролога Якобсону пришлось обратиться через месяц после прибытия в Чехословакию: в августе 1920 г. он печатает, в переводе на чешский язык, заметку об А. А. Шахматове, лекции которого он слушал в Петроградском университете весной 1917 г. [Jakobson 1920]. Через несколько месяцев, в 1921 г., ему приходится писать о слависте В. Н. Щепкине, у которого он занимался, будучи студентом Московского университета [Jakobson 1921]. В конце 20-х годов в новом славистическом журнале на немецком языке «Slavische Rundschau» он выступает с пространственным текстом о Бодуэне де Куртенэ [Jakobson 1929], а в 1930–1931 г. публикует пронизательный отклик на гибель В. Маяковского. В 1930-е годы он пишет о кончине специалиста по русской грамматике А. Пешковского, основателя «яфетического» языкознания Н. Я. Марра, болгарского лингвиста, этнографа и историка Л. Милетича, члена Пражского лингвистического кружка, украинского филолога-классика А. М. Артемовича, чехословацкого слависта и политика Ф. Спины. В роковой для Чехословакии период после Мюнхенского соглашения он дважды отдает должное своему ближайшему соратнику Н. С. Трубецкому. Переехав в Америку, еще до конца войны Якобсон принимает участие в коллективной попытке ученых-беженцев из Европы сохранить память о коллегах, погибших в оккупированной Европе. Впоследствии, в 1950-е годы, он пишет о С. И. Карцевском, об «искателях», стиховедах Б. В. Томашевском и Б. М. Эйхенбауме, о польском литературоведе Ф. Седлецком, погибшем во время войны, о ближайшем друге и соавторе П. Г. Богатыреве и, в конце жизни, о его сыне поэте-переводчике К. П. Богатыреве.

Некоторую роль в написании Якобсоном некрологов в период его жизни в Чехословакии должна была сыграть его вовлеченность в журналистику — вид

деятельности, вызвавший неодобрительную реакцию Трубецкого, посчитавшего, что сотрудничество Якобсона с повременными изданиями вредит его научной работе¹. Активное участие в массовых изданиях («Lidové poviny», «Prager Presse» и др.) предоставляло Якобсону дополнительные возможности быстро реагировать на события, но, естественно, не принуждало его взяться за тот или иной некролог. Якобсон печатался часто, выступая в популярных газетах и журналах с самыми разными материалами. Поэтому есть все основания считать, что некрологи Якобсона — результат его собственного решения закрепить память об ушедших, дать оценку их творческой деятельности, рассмотреть их биографии в соответствующих исторических контекстах.

Следует отметить, что выступления Якобсона в жанре некролога после приезда в Чехословакию шли вразрез с его собственной биографией и прежде всего участием в футуристическом движении, близостью к радикальному создателю концепции «мир с концом» А. Крученых². Будетлянское сбрасывание классиков с «парохода Современности» [Пощечина, с. 3] сопровождалось отрицанием линейно построенной собственной биографии; не случайно Маяковский заявил в «Я сам» (1922): «Но лица и даты не запоминаю. Помню только, что в 1100 году куда-то переселялись какие-то “дворяне”. Подробностей этого дела не помню, но, должно быть, дело серьезное. Запоминать же — “Сие написано 2 мая. Павловск. Фонтаны” — дело вовсе мелкое. Поэтому свободно плаваю по своей хронологии»; «Родился 7 июля 1894 года (или 93 — мнения мамы и послужного списка отца расходятся)» [Маяковский, с. 9]. Не менее отрицательно в те годы относились к жизнеописаниям научные соратники Якобсона, создатели формального метода в литературоведении: знаковые работы В. Шкловского («Искусство как прием») и Б. Эйхенбаума («Как сделана “Шинель” Гоголя») подчеркнуто антибиографичны.

На этих же теоретических позициях стоял Якобсон, председатель Московского лингвистического кружка, в своей работе «Подступы к Хлебникову» (1919)³ назвавший «обнажение приема» отличительной чертой творчества главы кубофутуристов. Лишь в самом конце исследования, цитируя Хлебникова, Якобсон дал понять, что произведения поэта, даже самые заумные, укоренены в его психике⁴, однако эта тема дальнейшего развития не получила.

Совсем по-другому подходит Якобсон к «героям» своих двух первых некрологов — светилам российского славяноведения А. Шахматову и В. Щепкину. В каждой заметке, наряду с изложением основных научных достижений, он создает краткий, но предельно емкий, проникновенный портрет *человеческой личности*. «Окружающая действительность была чужда Шахматову. Мир идей, которые он создавал, был

¹ См. письмо Трубецкого от 25 января 1935 г. [Письма и заметки Н. С. Трубецкого, с. 312–314].

² «...влечет мир с конца, в художественной внешности он выражается и так: вместо 1–2–3 события располагаются 3–2–1 или 3–1–2» [Пощечина, с. 88].

³ Опубликованной через два года под другим названием [Якобсон 1921].

⁴ «На ряде примеров мы видели, как слово в поэзии Хлебникова утрачивает свою предметность, даже внутреннюю, наконец даже внешнюю форму. В истории поэзии всех времен и народов неоднократно наблюдаем, что поэту, по выражению Тредьяковского, важен “только звон”. Поэтический язык стремится, как к пределу, к фонетическому, точнее — поскольку налицо соответствующая установка, эвфоническому слову, к заумной речи.

Но о самом пределе характерно отмечает Хлебников: “Когда я писал предсмертные слова Эхнатена — манч, манч, они производили на меня нестерпимое действие. Теперь же я их больше не ощущаю. Отчего — не знаю» [Якобсон 1921, с. 68].

для него единственной подлинной действительностью». «Не было более простого и доброго человека, более чувствительного и внимательного собеседника» [Jakobson 1920]⁵. В Щепкине, внуке знаменитого артиста, чья мать была родной сестрой Станкевича, «поэт иногда одерживал победу над ученым». «Писал красивые стихи, да и наука была для него источником эстетических эмоций» [Jakobson 1921]⁶. Описывая отношение Шахматова и Щепкина к науке и культуре, Якобсон выделяет те черты, которые, в принципе, роднили их с левыми художниками, поэтами, лингвистами и литературоведами. Он подчеркивает динамизм мысли Шахматова, готовность великого филолога пересмотреть старые выводы, отказаться от собственных формулировок. Вопрос о том, последует ли российская наука примеру ушедшего, остается открытым, и Якобсон завершает свой текст предупреждением: «Кто обосновывается словами “magister dixit”, тот не может быть настоящим учеником Шахматова» [Jakobson 1920]. В заметке о Щепкине Якобсон описывает широчайший диапазон научных интересов знаменитого специалиста по древнерусским рукописям, древнерусскому искусству в целом и подчеркивает: «Тот, кто долго и пристально вглядывается в прошлое, часто становится слепым к настоящему, но Щепкин остро воспринимал новое...» [Jakobson 1921].

Каждый некролог начинается драматически. «Только что получил телеграмму из России: Проф. Шахматов умер во время операции. Колеса времени, тяжелые сейчас как рычаги танка, не пощадили титана духа» [Jakobson 1920]. Трагическая нота особенно сильна в начале некролога о Щепкине: «Каждый месяц новые потери. Вскоре вымрет все старшее поколение русских ученых. В России не осталось славистов — Флоринский, Брандт, Шахматов были преждевременно сведены в могилу. Каждое новое известие с родины — новая смерть. Последние: в Воронеже скончался профессор сравнительного языкознания Кудрявский, в Москве простудился и заболел воспалением легких, и через три дня умер Вячеслав Николаевич Щепкин» [Jakobson 1921].

К теме преждевременных смертей целого поколения ученых Якобсон возвращается в 1922 г. в монографии, написанной вместе с П. Г. Богатыревым и впервые опубликованной в нескольких выпусках нового журнала «Slavia»: «Прежде, нежели перейти к обзору сделанного русскими учеными в области славянского языкознания, фольклористики и истории литературы за годы войны и революции, мы не можем обойти молчанием немалочисленные тягостные утраты, понесенные за последние годы русской филологией. Первые годы войны унесли виднейших представителей русской лингвистики Фортунатова и Корша. <...> Исследователь русского народного стиха и музыки, молодой этнограф А. Л. Маслов погиб в бою с германцами» [Якобсон, Богатырев 1923, с. 8–9]⁷. Далее, по алфавиту, впечатляющий список, от «историка литературы Алферова» до «этнографа и фольклориста Н. А. Янчука» [Якобсон, Богатырев 1923, с. 9–10]. В следующий раз тема потерянного поколения возникнет почти через десять лет в эссе, посвященном Маяковскому.

В 1929 г. Якобсон публикует некрологи о двух российских лингвистах — профессоре Московского университета В. Поржезинском и основателе Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэне де Куртенэ. И по тональности, и по содержанию

⁵ Перепеч.: [Jakobson 2013, p. 25–27].

⁶ Перепеч.: [Jakobson 2013, p. 68–69].

⁷ Мы цитируем переработанную редакцию обзора, вышедшую отдельным изданием.

тексты очень разные. «Среди многочисленных учеников Фортунатова Ян Виктор Поржезинский, умерший в Варшаве 12 марта, занимает особое место». Именно Поржезинский, преемник Фортунатова, бережно сохранил его учение и передал его младшему поколению лингвистов. К сожалению, подавленный гениальностью и размахом доктрины своего учителя, Поржезинский не был оригинален в науке, испытывая, как он однажды признался Якобсону, страх перед необходимостью теоретически осмыслить накопленные данные. Тем не менее, заключает Якобсон на положительной ноте, учителю Трубецкого, А. М. Пешковского, М. Н. Петерсона и многих других лингвистов обеспечен почет в русской науке [Jakobson 1929a]⁸.

С первых строк некролога о Бодуэне де Куртенэ [Jakobson 1929b]⁹ Якобсон рисует портрет ученого совсем другого масштаба. «1845–1929. Жизнь, богатая годами, работой, внутренним содержанием. Шестьдесят четыре года научной деятельности» [Jakobson 1971, p. 389]. Далее — подробное описание пути первопроходца в языкознании, еще в 1870 г. начертавшего дальнейшее направление своей научной работы. Изучение «роли звука в механизме речи» приводит Бодуэна к выделению отдельной дисциплины, «этимологической фонетики», то есть к фонологии, разработанной пражскими лингвистами, заявляет Якобсон. Как его гениальный современник Соссюр, Бодуэн преодолевает учение «ортодоксальных младограмматиков», выдвигает концепцию различия между «статическим» и «динамическим» состоянием языка, схожую с оппозицией между синхронией и диахронией, сформулированной женевающим лингвистом, в отличие от которого он не оставил записанного учениками аналога «Курса». В конце некролога Якобсон апеллирует к авторитету Бодуэна в полемике с теми, кто страдает излишним эмпирицизмом, кто испытывает «страх перед гипотезой, которая со временем может оказаться ошибочной» [Jakobson 1971, p. 393]. Иными словами, с противниками «Тезисов» Пражского лингвистического кружка, обнародованных в том же 1929 г. на Первом съезде славянских филологов в Праге¹⁰.

В наследии Якобсона статья о Бодуэне сыграла немаловажную роль. С нее начинается регулярное обращение Якобсона к истории языкознания¹¹; в ней же, в более эксплицитной форме, чем в заметке о Шахматове, автор выстраивает параллели между собственными научными поисками и биографией своего героя. Впоследствии к данной модели он прибегнет не раз.

Журнал «*Slavische Rundschau*» («Славянское обозрение», 1929–1940), в котором Якобсон напечатал статью о Бодуэне, — «информационно-критическое» издание на немецком языке, посвященное исследованиям духовной культуры славян. Оно было основано славистами, профессорами Немецкого университета в Праге Ф. Спиной и Г. Геземанном. Уровень журнала был очень высок; в нем печатались известные ученые и культурные деятели из разных стран. В первые годы среди них попадались и советские авторы, которых Якобсон, возглавлявший восточнославянский отдел журнала, активно привлекал к сотрудничеству¹².

⁸ Перепечат.: [Jakobson 2013, p. 199–201]. Проблемой — что и как написать о Поржезинском — был озадачен Трубецкой. См. его письмо от 25 января 1930 г. [Письма и заметки Н. С. Трубецкого, с. 149].

⁹ Перепечат.: [Jakobson 1971, p. 389–393].

¹⁰ Это подчеркивает автор газетной заметки в декабрьском выпуске «*Slavische Rundschau*» [Gregor 1929].

¹¹ В частности, к Казанской школе лингвистики. См.: [Jakobson 1971, p. 394–455].

¹² Подробнее см.: [Автономова 2004].

В первых девяти выпусках «Slavische Rundschau», в 1929 г., появились лишь три некролога: о философе, писателе Л. Климе (1878–1928), математике, философе К. Воровке (1879–1929)¹³, хорватском писателе И. Войновиче (1857–1929)¹⁴. Якобсоновский некролог Бодуэна был опубликован в последнем, десятом выпуске тома, причем в самом начале¹⁵. А в первом выпуске «Slavische Rundschau» за 1930 г. появляется отдельный раздел некрологов, в создании которого, скорее всего, Якобсон принял участие.

В мае 1930 г. в данном разделе опубликована заметка о смерти В. Маяковского. Как было принято, автор не указан. Тем не менее, поскольку в заметке упоминается В. Хлебников, не исключено, что она вышла из-под пера Якобсона; в любом случае он должен был ознакомиться с этим текстом и, возможно, отредактировал его. А спустя два месяца, в июльском выпуске журнала, Якобсон печатает в переводе сокращенный вариант своей статьи «О поколении, растратившем своих поэтов» [Jakobson 1930; Якобсон 1931]¹⁶.

Статья о Маяковском, отмечает Вяч. Вс. Иванов, «по жанру пограничная между научной поэтикой и художественным эссе, превосходит многое из написанного Якобсоном о русской поэзии» [Иванов 1987, с. 16]. Автор статьи подвергает критической переоценке свое прошлое, неслучайно в ней появляется формулировка: «Прямолинейный формализм литературного символа веры русских футуристов неизбежно влек их поэзию к антитезе формализма — к “непрожеванному крику” души, к беззащитной искренности» [Jakobson 1979, p. 375].

Статью открывает драматичное, глубоко личное признание: «О стихе Маяковского. О его образах. О его лирической композиции. Когда-то я писал об этом. Печатаю наброски. Постоянно возвращался к мысли о монографии. Тема, особенно соблазнительная потому, что слово М-го качественно отлично от всего, что в русском стихе до него, и сколько ни устанавливать генетических связей, — глубоко своеобразен и революционен строй его поэзии. Но как писать о поэзии М-го сейчас, когда доминантой не ритм, а смерть поэта, когда (прибегаю к поэтической терминологии М-го) “резкая тоска” не хочет смениться “ясною, осознанною болью”!» [Jakobson 1979, p. 355].

«Поэтическое творчество Маяковского, — пишет Якобсон, — от первых стихов в “Пощечине общественному вкусу” до последних строк едино и неделимо» [Ibid., p. 357]. Якобсон рассматривает корпус текстов Маяковского как единое целое, как некую структуру или систему, элементы которой, переходящие из одного произведения в другое, трансформируются, истолковываются по-новому в новых контекстах. Однако, поскольку творчество Маяковского неотделимо от его жизни, самоубийство поэта становится доминантой (один из ключевых терминов Пражской школы) и текстового, и биографического пространства, ретроспективно «организует» повторяющиеся элементы его поэтической мифологии. Ключевая тема этой мифологии, показывает Якобсон, — противостояние между «творческим порывом в преображенное будущее» и бытом (тенденцией «к стабилизации неизменного

¹³ Автор обоих — Й. Л. Фишер.

¹⁴ Автор — Г. Геземанн.

¹⁵ Вслед за ним — некролог о слависте, лингвисте А. И. Соболевском (1856/7 — 1929) [Karskij 1929].

¹⁶ Русский текст перепеч.: [Jakobson 1979, p. 355–381].

настоящего», «обрастание косным хламом», «замирание жизни в тесные окостенелые шаблоны» [Jakobson 1979, p. 359]).

Согласно Вяч. Вс. Иванову, «многое из того», что Якобсон написал о Маяковском в этой статье, «верно и по отношению к нему самому. И у него можно найти такой же единый порыв всего его творчества. В частности, применительно к написанному им о Маяковском верно будет сказать, что несколько главных тем, таких как соотношение трагического образа и вторящего ему гротескного, повторяются, видоизменяясь, во всех основных работах Якобсона» [Иванов 1987, с. 16–17].

Как видно из заметки о Шахматове, а еще в большей степени из некролога о Бодуэне, стремление выявить в биографии творческой личности некий цельный, глубинный двигатель мысли и поведения возникает у Якобсона достаточно рано. В дальнейшем эта установка усиливается: в ряде поздних некрологов, включенных в «Selected Writings» в категорию портретов, а также в других статьях (портретах) о малоизвестных или недооцененных ученых иных эпох (например, об упоминавшемся выше Мрозинском, об английском лингвисте Генри Суите) автор указывает на своеобразный «порыв», в той или иной степени определивший жизненный и научный путь его персонажа. В этих текстах Якобсон проявляет себя как талантливый повествователь, обладающий редким даром сочетать описание основных моментов научного наследия данного ученого со значимыми эпизодами его биографии, в которых налицо «драматизм науки» (термин, примененный К. Поморской [Pomorska 1992]).

После статьи «О поколении...» Якобсон опубликовал в 1930-е годы целый ряд некрологов, среди которых лично наиболее значимыми для него были два текста о Н. С. Трубецком. Первый из них, на чешском языке, открывается воспоминанием о том, как «знаменитый Мейе» охарактеризовал Трубецкого на 1-м Международном конгрессе лингвистов в Гааге (1928): «Это самая сильная голова в современной лингвистике!» [Jakobson 1938, p. 2]¹⁷. Далее следует сжатый обзор карьеры и основных трудов преждевременно умершего ученого, не завершившего все то, что им было запланировано; тем не менее, пишет Якобсон, даже то, что Трубецкой успел сделать, будет изучено, проработано и творчески обдумано. Второй, пространный некролог-портрет Трубецкого, на немецком языке, Якобсон пишет и печатает в Дании, после своего бегства из Чехословакии [Jakobson 1939]¹⁸. Своеобразным послесловием к обоим некрологам можно считать «Автобиографические заметки Н. С. Трубецкого», которые Якобсон подготовил на основе архивных записей ученого, дополнив их новой информацией, и опубликовал в послевоенном французском издании «Принципов фонологии». Здесь Якобсон пишет открыто о том, на что раньше он мог лишь намекать: обстоятельства, вызвавшие инфаркт и смерть Трубецкого, подвергнувшегося преследованиям со стороны гестапо, были аналогичны обстоятельствам смерти его отца, либерального ректора Московского университета, в 1905 г. затравленного царской бюрократией [Jakobson 1949, p. xxix].

В первые годы после переезда в Соединенные Штаты Якобсон дружит и тесно сотрудничает с другим ученым-эмигрантом, бельгийским византинистом А. Грегуаром, перенесшим из Брюсселя в Нью-Йорк Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. В 1944 г. Институт, функционировавший в составе École Libre des

¹⁷ Текст перепечатан: [Jakobson 2014, p. 322–324].

¹⁸ Перепеч.: [Jakobson 1971, p. 501–516].

Hautes Études, выпустил седьмой том своего «Ежегодника», посвященный «памяти востоковедов и славистов, жертв вторжения и преследования со стороны варваров» [Annuaire 1944, page de titre]. Большую часть тома занимают научные статьи (две из них — Якобсона), за которыми следует «Мартиролог» — более семидесяти некрологов о деятелях науки и культуры, умерших в оккупированной Европе и России. Якобсону принадлежат двадцать семь из этих текстов¹⁹: он пишет о коллегах и друзьях, оставшихся в Чехословакии, а также о Трубецком, о голландском лингвисте Н. ван Вейке, о московских лингвистах А. М. Селищеве и Д. Н. Ушакове, о ленинградцах, индологе Ф. И. Щербатском и лингвисте Б. М. Ляпунове, о польском литературоведе Ф. Седлецком и др. Поскольку «Ежегодник» был подготовлен до окончания войны, истинные размеры катастрофы в Европе были неизвестны; сам Якобсон не знал, что погиб и его младший брат, математик Михаил, в 1944 г. вместе с женой депортированный из Франции «на Восток».

После войны Якобсон, оставшийся в США, активно участвует в международной научной жизни — сначала в Западной и Восточной Европе, а начиная с весны 1956 г. и в России. Он переписывается со своим старым товарищем по Пражскому лингвистическому кружку С. И. Карцевским и другими женевскими лингвистами, выступает в Женевском университете. После смерти Карцевского в 1955 г., несмотря на политические расхождения [Переписка Карцевского и Якобсона 1999], Якобсон посвящает ему проникновенную статью [Jakobson 1956]²⁰, подчеркивая значение его научных открытий и мастерски обходя вопрос о том, почему Карцевский все-таки сделал меньше, чем мог бы²¹.

Общение Якобсона со старыми и новыми друзьями и коллегами в России сопровождается массой писем, на которые он то диктует ответы по-английски, то, если это близкие ему люди, сам пишет по-русски. Из переписки Якобсон черпает материал для двух важных некрологов, вышедших в основанном им новом славистическом журнале, — о Б. Томашевском [Jakobson 1959]²² и Б. Эйхенбауме [Якобсон 1963]²³. В августе 1971 г. умирает П. Богатырев; в ответ на сообщение об этом Т. Ю. Богатыревой Якобсон шлет ей душевное письмо (15 сентября 1971 г.), сообщает, что собирается напечатать статью о Петре во французском антропологическом журнале «L'Homme» [Баран, Душечкина 1997, с. 93–94]. Эта публикация

¹⁹ Среди других авторов раздела — А. Грегуар, литературовед-полонист В. Ледницкий, историк Г. Вернадский.

²⁰ Перепечат.: [Jakobson 1971, p. 517–521].

²¹ В письме Якобсону Вяч. Вс. Иванов назвал статью «стихотворением в прозе» [Letter of Ivanov to Jakobson].

²² Перепечат.: [Jakobson 1979, p. 545–548]. Ср. конец некролога — драматическое описание смерти Томашевского — с письмом Богатырева Якобсону от 7 сентября 1957 г. [Баран, Душечкина 1997, с. 81].

²³ Перепечат.: [Jakobson 1979, p. 549–556]. В статье об Эйхенбауме Якобсон написал о гонениях, которым подвергся ученый в период борьбы с «космополитизмом», о его смерти и о демонстративно отрицательном отношении к нему со стороны властей во время похорон. На статью отреагировал, в крайне резкой форме, критик Ю. А. Андреев: «вся его статья насыщена злобным брюзжанием относительно “атмосферы” в советском литературоведении» [Андреев 1964]. По-другому некролог оценила дочь ученого Ольга Борисовна Эйхенбаум: «Я сегодня прочитала ту статью о Борисе Михайловиче, про которую Вы мне писали — Р. Якобсона. Она мне очень понравилась. В ней есть только несколько неточностей биографических. Когда Вы приедете, я Вам их укажу. Жаль, что он не обратился ко мне, а получил эти сведения от кого-то, кто сам точно не знал, — как, например, умер Борис Михайлович. Это произошло гораздо более трагично и нелепо, чем ему рассказали. Но зато во всех других отношениях статья эта великолепна» [Letter of O. B. Eikhenbaum].

не состоялась; лишь через несколько лет в сборнике, посвященном Пражскому лингвистическому кружку, Якобсон помещает большую статью о Богатыреве [Jakobson 1976]²⁴.

Творческая биография каждого из ученых, указывает Якобсон, была цельной, объединенной неким организующим началом. О Томашевском, основателе лингвостатистического метода исследования стиха, крупнейшем пушкинисте и текстологе, Якобсон пишет: «Несмотря на все постепенные изменения в научных взглядах Томашевского, в его поздних трудах легко узнаются первоначальные стимулы периода его становления как ученого» (перевод наш. — Х. Б.) [Jakobson 1979, p. 547]. В статье об Эйхенбауме он отмечает: «Выбор героя литературоведческих трудов всегда бросает ясный свет на исследователя. Начиная с первых заметок Эйхенбаума о Толстом (1913) и Лермонтове (1915) оба эти писателя почти полвека неизменно оставались центральной темой его неутомимых разысканий и основоположных трудов» [Jakobson 1979, p. 549]. Глубокое понимание изменчивости, текучести внутренней и внешней биографии обоих писателей помогло ученому выдержать «многообразные переломы» его собственной «внутренней и внешней биографии» [Jakobson 1979, p. 550]. Что же касается Богатырева, то уже на раннем этапе в результате работы над источниками и народными переработками пушкинского «Гусара» его «буквально заворожили» «причудливое сочетание и столкновение традиции и импровизации, явленных и усвоенных как устной, так и письменной литературой, и даже более того — театральными формами». «Заворожили настолько», продолжает Якобсон, «что свой доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук <...> он заключил выводом, что “в фольклорном искусстве традиция и импровизация составляют диалектическое единство”» [Якобсон 1999, с. 66]. «Он всегда был верен самому себе», — подчеркивает Якобсон под конец своей тонкой, проникнутой глубоким чувством статьи.

Повествование о Петре предваряет эпиграф: «Светлой памяти Константина Богатырева». Таким образом Якобсон успел отреагировать в печати на известие о кончине своего друга, сына Петра, 18 июня 1976 г. — через пару месяцев после того, как тот был атакован и тяжело ранен неизвестными на пороге своей московской квартиры.

В июне 1981 г. Якобсон отвечает согласием на предложение немецкого слависта В. Казака поучаствовать в сборнике, посвященном жизни и творчеству К. Богатырева. «Он будет рад написать о К. Богатыреве, которого он знал с первого дня до последних лет его жизни», — пишет ассистентка ученого (перевод наш. — Х. Б.) [Letter of L. Wynne]. Фраза, брошенная в письме, — почти точное название машинописного текста на полторы страницы, одного из последних, опубликованных при жизни Якобсона:

С первых до последних дней

Мы долго делили с верными друзьями Богатыревыми, Петром Григорьевичем и Тамарой Юльевой, просторную пражскую квартиру, и мне полвека с лишним спустя все еще слышится пронзительный, по временам отдающий музыкой крик, которым обильно оглашал ее распахистые стены новорожденный Константин Петрович. Именно об этих неустанных младенческих всхлипах я писал тогда с пражской

²⁴ Перепеч.: [Jakobson 1985, p. 293-304]. Русский перевод: [Якобсон 1999].

Штросмаеровой площади в Москву Борису Ярхо, одинаково вдумчивому и непосредственному и в амплу филолога-публициста, и в сатирических отступлениях давнепровансальской закваски. Затем почтой шла дружеская беседа про дословесный крик и про выросшую из него всамделишную речь, про все в ней свое и правое, впоенное освободительным криком, даром животворного дерева.

Неповторимо личное все время сплеталось в Константине с родовыми корнями. В раннем детстве, на руках у матери он покинул Прагу для Москвы, и хотя он долгие годы не видал своего отца, задержанного в Чехословакии продолжительной работой, Костя освоил и с редкой верностью удержал чрезвычайно характерный рельеф отцовской жестикуляции и ритмико-интонационного склада, а из собственного инфантильного мирка Костя на свой весь век сохранил затейливые лады своего первичного крика.

Нелегко вчитаться в горластую семантику еще бессловесного человеческого существа, и даже нашего московского гостя Владимира Маяковского передергивало, когда в комнату вбегал малыш Богатырев, как я записал в посмертной памятке 1930 года, между тем как оба вещуна, такой малый Костя и «такой большой» Володя, именно возглашали в едиனுшной правоте «я свое, земное, не дожил».

Увлеченный мастер стихотворного перевода, Константин Петрович гостеприимно вскрывает соотечественникам двери мирового поэтического восприятия. Русский Рильке был одним из замечательных открытий пожизненного искателя. Нелегко связать с этим радушным тезисом незыблемый антитезис: многоликий враг отвечал ему бесчеловечным мучительством. Каким безликим силам было предопределено предать вдохновенного почитателя стихов Рильке, Айги и Пастернака, на поочередное растерзание в окопах второй мировой, потом в столичных палаческих казематах и в лагерных бараках и наконец в анонимной развязке на площадке домашнего лифта?

[Якобсон 1982]

Присутствие в заметке героя другого некролога о поэте — современнике автора — не только дань фактам биографии, но и верный риторический ход, который позволяет Якобсону преодолеть разрыв времен и связать судьбу К. Богатырева с судьбами не одного поколения русских поэтов.

Некоторые тексты, рассмотренные выше, обрели вторую жизнь в «Selected Writings» Якобсона, которые стали выходить в первой половине 1960-х годов. Некрологи о трех лингвистах — Бодуэне де Куртенэ, Трубецком [Jakobson 1939], Карцевском — ученый поместил во втором томе, в большом разделе «К номотетической науке о языке» [Jakobson 1971, p. 367–602]. В пятом же томе «Selected Writings» (1979) (с подзаголовком «On Verse, its Masters and Explorers»), в разделе, посвященном «Исследователям» стиха, он перепечатал некрологи о Томашевском и Эйхенбауме.

В обоих томах некрологи соседствуют с работами, первоначально написанными Якобсоном для других целей, — с предисловиями, послесловиями и вступительными статьями к книгам, со статьями «к случаю» (для фештишрифтов и др.), с выступлениями, подводящими итоги работы конференций. Большинство текстов (некрологов и других) посвящено тому или иному лингвисту или литературоведу, и, как было отмечено выше, в них Якобсон успешно использует повествовательную модель, впервые употребленную им в некрологе о Шахматове, а впоследствии в полной мере примененную в статье о Бодуэне.

Безотносительно к контексту первой публикации, в разделе «К номотетической науке о языке» эти тексты функционируют как главы некоего унифицированного нарратива — своего рода «истории в лицах» — о возникновении и развитии

современной лингвистики. Сначала Якобсон сосредоточивается на «провозвестниках новейшей лингвистики» [Jakobson 1971, p.376] в XIX в. (Я.Мрозинском, Н.Крушевском, Г.Суите, И.Бодуэне де Куртенэ, Т.Г.Масарике). Затем он обращается к вкладу в науку о языке таких ученых, как Ф.Боас, А.Мейе, Н.Трубецкой и С.Карцевский; пишет о достижениях Московского лингвистического кружка и Пражской школы. В конце же раздела, в нескольких «итоговых» обзорных статьях Якобсон доводит свою «героическую» версию истории современного языкознания до начала 1960-х годов, т.е. до эпохи Н.Хомского, обсуждает наиболее важные вопросы, не решенные на этот момент, и рассматривает наиболее перспективные направления дальнейших исследований.

Значительно более скромным по объему и временному охвату является раздел «Искатели» в пятом томе. Небольшой общий набросок о русских формалистах, перепечатанный из французского сборника их работ [Jakobson 1965], сопровождают портреты четырех представителей формальной школы: Томашевского, Эйхенбаума, Брика и Тынянова. В отличие от раздела «К номотетической науке о языке» здесь нет основательного обзора, обращенного к будущему научной поэтики. На самом деле, конечно, Якобсон имел в своем распоряжении именно такой текст, но предпочел приберечь его и воспроизвести в другом месте — это статья «Лингвистика и поэтика», ставшая одной из основ третьего тома «Selected Writings» [Jakobson 1981].

Отметим, наконец, что в пятом томе нашлось место и для столь важной для Якобсона статьи «О поколении, растратившем своих поэтов». Она вошла в раздел «Мастера» наряду с другими проникновенными работами ученого о творчестве Пушкина, Хлебникова, Маяковского, Пастернака, Махи и Эрбена.

Источники и литература

Автономова Н. С. Журнал «Славянское обозрение» — форма самоутверждения «русской теории»? // Русская теория 1920-1930 годы. Материалы 10-х Лотмановских чтений. М.: РГГУ, 2004. С. 81–103.

Андреев Ю. По поводу одного некролога // Литературная газета. 1964. 16 янв.

Баран Х., Душечкина Е. В. Письма П. Г. Богатырева Р. О. Якобсону // Славяноведение. 1997. № 5. С. 67–99.

Иванов Вяч. Вс. Поэтика Романа Якобсона // Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 5–22.

Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. 1912–1917. М.: ГИХЛ, 1955. 463 с.

Переписка С. И. Карцевского и Р. О. Якобсона / вступ. ст., публ. и примеч. Х. Барана, Е. В. Душечкиной // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 175–191.

Письма и заметки Н. С. Трубецкого / вступ. ст. В. Н. Топорова; подгот. к изд. Р. Якобсона при участии др.; пер. предисл., примеч. В. А. Плунгяна, Д. А. Паперно; пер. и ред. указателей Д. В. Сичинавы. М.: Языки славянской культуры, 2004. 506 с.

Пощечина общественному вкусу. М.: Изд-во Г. Л. Кузьмина, 1912. 112 с.

Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Прага: Типогр. «Политика», 1921. 68 с.

Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов // Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. Смерть Владимира Маяковского. Берлин: Петрополис, 1931. С. 7–45.

Якобсон Р. Борис Михайлович Эйхенбаум // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1963. Vol. 6. P. 160–167.

Якобсон Р. С первых до последних дней // Поэт-переводчик Константин Богатырев: друг немецкой литературы / ред.-сост. В. Казак; с участием Л. Копелева и Е. Эткинда. München: Otto Sagner, 1982. С. 239–240.

Якобсон Р. О. Петр Богатырев (29.I.1893 — 18.VIII.1971): мастер перевоплощений [пер. И. В. Ершовой] // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 65–74.

- Якобсон Р., Богатырев П.* Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин: ОПОЯЗ, 1923. 63 с.
- Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves (AIPHOS). T. VII (1939–1944). New York: Editions de l'Institut, 1944. 564 + [8] p.
- Gregor Alois.* Slavische Rundschau // Lidové noviny. 1929. Ročník 37. Číslo 648. 27. prosince. Ráno. S. 7.
- Jakobson R.* Prof. Šachmatov // Čas (Praha). 1920. Ročník 30. Číslo 68. 31. srpna. S. 2.
- Jakobson R.* Profesor V.N. Ščepkin (1863–1920) // Čas. 1921. Ročník 31. Číslo 45. 28. února. S. 4.
- Jakobson R.* Dem Gedächtnis Jan Wiktor Porzeziński // Prager Presse, 1929a. 12. März. S. 8.
- Jakobson R.* Jan Baudouin de Courtenay // Slavische Rundschau. 1929b. Jahrgang 1. N 10. S. 809–812.
- Jakobson R.* Von einer Generation, die ihre Dichter vergeudet hat // Slavische Rundschau. 1930. Jahrgang 2. S. 481–495.
- Jakobson R.* Nikolaj Trubeckoj zemřel. Geniální slavista // Lidové noviny. 1938. Ročník 46. Číslo 324. 29. června. S. 2–3.
- Jakobson R.* Nikolaj Sergeevič Trubetzkoy (16. April 1890–25. Juni 1938) // Acta Linguistica. 1939. Vol. I, N 1. P. 64–76.
- Jakobson R.* Notes autobiographiques de N.S. Trubetzkoy // Trubetzkoy N.S. Principes de phonologie / tr. par J. Cantineau. Paris: Klincksieck, 1949. P. xv–xxix.
- Jakobson R.* Serge Karcevski (August 28, 1884 — November 7, 1955) // Cahiers Ferdinand de Saussure XIV. 1956. P. 9–16.
- Jakobson R.* Boris Viktorovič Tomaševskij (1890–1957) // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1959. Vol. I, N 2. P. 313–316.
- Jakobson R.* Linguistics and Poetics // Style in Language / ed. T.A. Sebeok. Cambridge, Mass: MIT Press, 1960. P. 350–377.
- Jakobson R.* Vers une science de l'art poétique // Théorie de la littérature: Textes des formalistes russes / ed. Tzvetan Todorov. Paris: Éditions du Seuil, 1965. P. 9–13.
- Jakobson R.* Selected Writings II. Word and Language. The Hague; Paris: Mouton, 1971. xii + 752 p.
- Jakobson R.* Pëtr Bogatyřev (29. I. 93 — 18. VIII. 71): expert in Transfiguration // Sound, Sign and Meaning: Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle / ed. L. Matejka. Ann Arbor: Michigan Slavic Contributions, 1976. P. 29–39.
- Jakobson R.* Selected Writings V. On Verse, Its Masters and Explorers / ed. S. Rudy, M. Taylor. The Hague; New York: Mouton, 1979. viii + 623 p.
- Jakobson R.* Selected Writings III. Poetry of Grammar and Grammar of Poetry / ed. S. Rudy. The Hague; Paris: Mouton, 1981. xviii + 814 p.
- Jakobson R.* Selected Writings VII. Contributions to Comparative Mythology. Studies in Linguistics and Philology. 1972–1982 / ed. S. Rudy. Berlin; New York: Mouton, 1985. xxiii + 405 p.
- Jakobson R.* Selected Writings IX. Completion Volume Two. Uncollected Works, 1916–1943. Part One, 1916–1933 / ed. J. Toman. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2013. xxii + 434 p.
- Jakobson R.* Selected Writings IX. Completion Volume Two. Uncollected Works, 1916–1943. Part Two, 1934–1943 / ed. J. Toman. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014. xii + 563 p.
- Karskij E. A. I.* Sobolevskij // Slavische Rundschau. 1929. Jahrgang 1. N 10. S. 812–814.
- Koerner E. F. K.* Remarks on the Sources of Roman Jakobson's Linguistic Inspiration // Koerner E. F. K. Linguistic Historiography: Projects and Prospects. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 133–150.34.
- Letter of L. Wynne to W. Kasack, 23 June 1981 // Massachusetts Institute of Technology. Institute Archives and Special Collections. MC 72. Box 28. Folder 115.
- Letter of O. B. Eikhenbaum to unidentified addressee, 15 July 1963 // Massachusetts Institute of Technology. Institute Archives and Special Collections. MC 72]. Box 41. Folder 12.
- Letter of Viach. Vs. Ivanov to R. Jakobson, 7 October 1956 // Massachusetts Institute of Technology. Institute Archives and Special Collections. MC 72. Box 42. Folder 30.
- Pomorska K.* The Drama of Science: Trubetzkoy's Correspondence with Jakobson // Pomorska K. Jakobsonian Poetics and Slavic Narrative: From Pushkin to Solzhenitsyn. Durham; London: Duke UP, 1992. P. 259–271.
- Stankiewicz E.* Roman Jakobson's Work on the History of Linguistics // Roman Jakobson: Echoes of His Scholarship / ed. by D. Armstrong and C. H. van Schooneveld. Lisse: Peter de Ridder, 1977. P. 435–451.

References

- Avtonomova N.S. Zhurnal «Slavianskoe obozrenie» — forma samoutverzheniia «russkoi teorii»? [The journal *Slavische Rundschau* — a form of self-assertion of “Russian theory”?]. *Russkaia teoriia 1920–1930 gody. Materialy 10-kh Lotmanovskikh chtenii* [Russian theory 1920s–1930s. Materials of the 10th Lotman Readings]. Moscow: RGGU Publ., 2004, pp. 81–103. (in Russian)
- Andreev Iu. Po povodu odnogo nekrologa [Concerning a certain obituary]. *Literaturnaia gazeta* [Literary gazette]. 1964. 16 January. (in Russian)
- Baran Kh., Dushechkina E.V. Pis'ma P.G. Bogatyreva R.O. Jakobsonu [P.G. Bogatyrev's letters to R.O. Jakobson]. *Slavianovedenie* [Slavic studies], 1997, no. 5, pp. 67–99. (in Russian)
- Ivanov Viach. Vs. Poetika Romana Jakobsona [The poetics of Roman Jakobson]. Jakobson R. *Raboty po poetike* [Works on poetics]. Moscow: Progress Publ., 1987, pp. 5–22. (in Russian)
- Maiakovskii V.V. Poln. sobr. soch.: v 13 tomakh [Collected works in 13 volumes]. Vol. 1. 1912–1917. Moscow: GIKhL, 1955. 463 p. (in Russian)
- Perepiska S.I. Kartsevskogo i R.O. Jakobsona / vstup. st., publ. i primech. Kh. Barana, E.V. Dushechkinoi [Correspondence between S.I. Karcevski and R.O. Jakobson / intro., publ., and notes by H Baran, E.V. Dushechkina]. *Roman Jakobson. Teksty, dokumenty, issledovaniia* [Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies]. Moscow: RGGU Publ., 1999, pp. 175–191. (in Russian)
- Pis'ma i zametki N.S. Trubetskogo* [N.S. Trubetzkoy's letters and notes]. Intro. by V.N. Toporov; prep. for publ. by R. Jakobson with the assistance of others; transl. of Foreword, Notes by V.A. Plungian, D.A. Paperno; trans. and ed. of indexes by D.V. Sichinava. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 506 p. (in Russian)
- Poshchechina obshchestvennomu vkusu* [A slap in the face of public taste]. Moscow, G. L. Kuz'min Publ., 1912. 112 p. (in Russian)
- Jakobson R. *Noveishaia russkaia poezii. Nabrosok pervyi* [The newest Russian poetry. A first sketch]. Prague: Typography “Politika”, 1921a. 68 p. (in Russian)
- Jakobson R. O pokolenii, rastrativshem svoikh poetov [On a generation that squandered its poets]. Jakobson R., Sviatopolk-Mirskii D. *Smert' Vladimira Maiakovskogo* [The death of Vladimir Maiakovskii]. Berlin: Petropolis, 1931, pp. 7–45. (in Russian)
- Boris Mikhailovich Eikhbaum. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1963, vol. 6, pp. 160–167. (in Russian)
- Jakobson R. S pervykh do poslednikh dnei [From the first days to the last]. *Poet-perevodchik Konstantin Bogatyrev: drug nemetskoj literatury* [Poet-translator Konstantin Bogatyrev: friend of German literature]. Eds. W. Kasack, L. Kopelev, E. Etkind et al. München: Otto Sagner, 1982, pp. 239–240. (in Russian)
- Jakobson R. O. Petr Bogatyrev (29.I. 1893 — 18.VIII. 1971): master perevoploshchenii [per. I. V. Ershovoi] [Pëtr Bogatyrev (29. I. 93 — 18. VIII. 71): expert in Transfiguration]. Transl. by I. V. Ershova *Roman Jakobson. Teksty, dokumenty, issledovaniia* [Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies]. Moscow: RGGU Publ., 1999, pp. 65–74. (in Russian).
- Jakobson R., Bogatyrev P. *Slavianskaia filologiiia v Rossii za gody voyny i revoliutsii* [Slavic philology in Russia during the years of war and revolution]. Berlin: OPOIAZ, 1923. 63 p. (in Russian)
- Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves (AIPHOS)*. Vol. VII (1939–1944). New York: Editions de l'Institut, 1944. 564 + [8] p.
- Gregor Alois. *Slavische Rundschau. Lidové noviny*. 1929. Ročník 37. Číslo 648. 27. rrosince. Ráno, p. 7.
- Jakobson R. Prof. Šachmatov. *Čas* (Praha). 1920. Ročník 30. Číslo 68. 31. srpna, p. 2.
- Jakobson R. Profesor V.N. Ščepkin (1863–1920). *Čas*. 1921. Ročník 31. Číslo 45. 28. února, p. 4.
- Jakobson R. Dem Gedächtnis Jan Wiktor Porzezińskis. *Prager Presse*, 1929a. 12. März, p. 8.
- Jakobson R. Jan Baudouin de Courtenay. *Slavische Rundschau*. 1929b. Jahrgang 1, no. 10, pp. 809–812.
- Jakobson R. Von einer Generation, die ihre Dichter vergeudet hat. *Slavische Rundschau*. 1930. Jahrgang 2, pp. 481–495.
- Jakobson R. Nikolaj Trubeckoj zemřel. Geniální slavista. *Lidové noviny*. 1938. Ročník 46. Číslo 324. 29. června, pp. 2–3.
- Jakobson R. Nikolaj Sergeevič Trubetzkoy (16. April 1890 — 25. Juni 1938). *Acta Linguistica*. 1939. Vol. I, no. 1, pp. 64–76.
- Jakobson R. Notes autobiographiques de N.S. Trubetzkoy. Trubetzkoy N.S. *Principes de phonologie*. Tr. par J. Cantineau. Paris: Klincksieck, 1949. pp. xv–xxix.
- Jakobson R. Serge Karcevski (August 28, 1884 — November 7, 1955). *Cahiers Ferdinand de Saussure* XIV. 1956, pp. 9–16.
- Jakobson R. Boris Viktorovič Tomaševskij (1890–1957). *International Journal of Slavic Linguistics and*

- Poetics*. 1959, vol. I, no. 2, pp. 313–316.
- Jakobson R. Linguistics and Poetics. *Style in Language*. Ed. T. A. Sebeok. Cambridge, Mass: MIT Press, 1960, pp. 350–377.
- Jakobson R. Vers une science de l'art poétique. *Théorie de la littérature: Textes des formalistes russes*. Ed. Tzvetan Todorov. Paris: Éditions du Seuil, 1965, pp. 9–13.
- Jakobson R. *Selected Writings II. Word and Language*. The Hague; Paris: Mouton, 1971. xii + 752 p.
- Jakobson R. Pëtr Bogatyřev (29. I. 93 — 18. VIII. 71): expert in Transfiguration. *Sound, Sign and Meaning: Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle*. Ed. by L. Matejka. Ann Arbor: Michigan Slavic Contributions, 1976, pp. 29–39.
- Jakobson R. *Selected Writings V. On Verse, Its Masters and Explorers*. Ed. S. Rudy, M. Taylor. The Hague; New York: Mouton, 1979. viii + 623 p.
- Jakobson R. *Selected Writings III. Poetry of Grammar and Grammar of Poetry*. Ed. S. Rudy. The Hague; Paris: Mouton, 1981. xviii + 814 p.
- Jakobson R. *Selected Writings VII. Contributions to Comparative Mythology. Studies in Linguistics and Philology*. 1972–1982. Ed. S. Rudy. Berlin; New York: Mouton, 1985. xxiii + 405 p.
- Jakobson R. *Selected Writings IX. Completion Volume Two. Uncollected Works, 1916–1943*. Part One, 1916–1933. Ed. by J. Toman. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2013. xxii + 434 p.
- Jakobson R. *Selected Writings IX. Completion Volume Two. Uncollected Works, 1916–1943*. Part Two, 1934–1943. Ed. by J. Toman. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014. xii + 563 p.
- Karskij E. A. I. Sobolevskij. *Slavische Rundschau*. 1929. Jahrgang 1, no. 10, pp. 812–814.
- Koerner E. F. K. Remarks on the Sources of Roman Jakobson's Linguistic Inspiration. Koerner E. F. *K. Linguistic Historiography: Projects and Prospects*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999, pp. 133–150.34.
- Letter of L. Wynne to W. Kasack, 23 June 1981. *Massachusetts Institute of Technology. Institute Archives and Special Collections*. MC 72. Box 28. Folder 115.
- Letter of O. B. Eikhenbaum to unidentified addressee, 15 July 1963. *Massachusetts Institute of Technology. Institute Archives and Special Collections*. MC 72]. Box 41. Folder 12.
- Letter of Viach. Vs. Ivanov to R. Jakobson, 7 October 1956. *Massachusetts Institute of Technology. Institute Archives and Special Collections*. MC 72. Box 42. Folder 30.
- Pomorska K. The Drama of Science: Trubetzkoy's Correspondence with Jakobson. Pomorska K. *Jakobsonian Poetics and Slavic Narrative: From Pushkin to Solzhenitsyn*. Durham; London: Duke UP, 1992, pp. 259–271.
- Stankiewicz E. Roman Jakobson's Work on the History of Linguistics. *Roman Jakobson: Echoes of His Scholarship*. Ed. by D. Armstrong and C. H. van Schooneveld. Lisse: Peter de Ridder, 1977, pp. 435–451.

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.